

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

ХУДОЖНИК И ТЕАТР

*Спасибо всем – артистам и строителям,
Прославленным талантом и трудом,
Повинным в этом чуде удивительном,
Которое ТЕАТРОМ мы зовём.*

Вениамин Жак

ИЗДАНИЕ ПОСВЯЩЕНО

100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КОРОЛЬКОВА
И
70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ
АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМ. М. ГОРЬКОГО

РОСТОВ-НА-ДОНУ
2005

Издание для сабовидящих

Автор текста и составитель
Е. И. Соколова

Фотографии:
Р. В. Мельников

Компьютерная вёрстка:
Е. И. Соколова

Отв. за выпуск
И. К. Ермоленко

Отпечатано в
Областной специальной
библиотеке для слепых

Тираж: 5 экземпляров

Адрес:
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Темерницкая, № 50

Телефон: 240-79-56

...Как-то император Николай I в беседе со скульптором Петром Клодтом обронил: *«Ты делаешь жеребцов лучше, чем сами жеребцы»*.

Самые знаменитые кони Клодта украшают невские просторы на Аничковом мосту.

Скульптурные и графические изображения коней донского казака Сергея Королькова знатоки приравнивают к – в общем-то несравненному – искусству Петра Клодта.

Корольков был младше Клодта на 100 лет...

РОССИЯ

Они были ровесниками: неизвестный пока широким кругам писатель и неизвестный пока широким кругам художник. Оба родились в 1905 году. Один 24 мая, другой 14 октября. Оба уроженцы Области Войска Донского. Оба из казачьих семей.

Художнику предложили проиллюстрировать первый роман писателя. С очень спокойным и милым сердцу названием *«Тихий Дон»*.

А позднее художник вообще уедет за границу, что в те времена было равнозначно предательству. На долгое время он будет объявлен врагом народа. Поэтому было запрещено даже упоминать его имя.

И только Мемориальная доска Ростовского училища искусств скупно напоминает о том, что в числе других знаменитостей обучался в этих стенах живописи и ваянию и он.

В этом, 2005 году, мы отмечаем 100-летний юбилей лауреата Нобелевской премии Михаила Александровича Шолохова и 100-летний юбилей Президента Американской ассоциации скульпторов Сергея Григорьевича Королькова.

Но если имя Шолохова на слуху у каждого, то о Королькове в нашей стране, и даже в нашем городе, знают, в основном, только специалисты.

А между тем на Западе его называли современным Микельанджело.

Кто же он такой?

...О преждевременной смерти Сергея Григорьевича Королькова зарубежное казачество узнало со страниц журнала *«Родимый Край»*.

«Корольков – это наша гордость». Так отозвалась газета *«Вашингтон пост»*.

Почти *«Пушкин – это наше всё!»*

С тех пор прошло уже 30 лет, но память об этой на редкость одарённой личности – в высшей степени принципиального, отзывчивого человека – не только не угасла в сознании зарубежных соотечественников, но, при возрождении казачества, также начала привлекать к себе острый интерес на Родине.

И в предлагаемом издании мы попробуем хотя бы частично рассказать о нравственных причинах, побудивших дончанина добровольно и бесповоротно покинуть *«выше всего возносимую и горячо любимую им Родину»* (по словам живущего сейчас в Соединённых Штатах родственника Королькова Владимира Быкадорова).

Будущий скульптор – чей выдающийся талант блестяще проявился и в небольших тематических рисунках, и в монументальных живописных полотнах, и в мощных скульптурных произведениях, созданных и у нас в России, и за рубежом – родился на тихом

донском хуторе Павлове, административно приписанном к окружной станице Константиновской.

Молодые впечатлительные дореволюционные годы он провёл среди выжженных солнцем степей Сальского округа: отец Григорий Яковлевич владел конным заводом на 500-600 голов. Мать Евдокия Степановна была уроженкой станицы Старочеркасской – из семьи зажиточных лавочников. Женщина волевая, крепкого здоровья. Прожила долгую, хотя и многотрудную жизнь.

У Григория и Евдокии было четверо детей: Таисия, Евдокия-младшая, Иван и Сергей.

Серёжино детство было светлым и радостным, ибо семья жила дружно, в достатке и, собственно, ни в чём не нуждалась.

«По рассказам моей матери – дочери старшего из братьев-коннозаводчиков Ивана Яковлевича, - пишет Быкадоров, - на главном «Гудовском» зимовнике на Пасхальные и Рождественские празднования собирался многочисленный род казаков Корольковых. С ранних лет в них принимал участие и маленький Серёжа. Чуть ли не с пятилетнего возраста он никогда не расставался с тетрадью, на страницах которой с поразительным сходством зарисовывал лица присутствующей бородатой старообрядческой родни. Поражал не только талант к рисованию подрастающего казачонка, но также и его изумительная зрительная память! Мельком взглянув на объект будущей зарисовки, отвернувшись, маленький Серёжа точно и безошибочно, вырисовывал его на странице своей тетрадки. Лишь однажды попавшийся на глаза сюжет не покидал памяти будущего художника до конца его жизни».

Близкий знакомый уже взрослого Королькова литератор Михаил Васильевич Миллер вспоминал, что он как-то мгновенно нарисовал портрет человека, виденного лишь раз, мельком, лет за двадцать до этого дня!

Сергей рос среди волшебства донских просторов. Казачий, ни с чем не сравнимый, привольный быт... Беспредельные, богатые своеобразной флорой и фауной задонские степи...

Повседневная дружба с табунщиками-казаками...

Рассказы в ночном при тлеющем костре...

Всё это навеки врезалось во впечатлительную душу подростка.

Любил Серёжа неповторимую тишину летней ночи, всхрапывание лошадей, шорох крыльев ночных птиц... И всегда изумлённо вглядывался в бездонную чашу звёздного неба...

Из окружающего живописного мира более всего его как магнитом тянет красота, изящность и резвость донского красавца-коня. Ведь любой казачонок с самого мальства, задыхаясь от неземного блаженства, несётся по полю в бесстрашной скачке!

Лошадей юный Корольков любил самозабвенно. Миллер отмечал: *«Сергей видел донскую лошадь, восхищался ею, видел наездников и сам ездил множество раз. И лошадь, и ездока он знал в каждом положении и в каждом движении»*.

Врождённое чувство художника буквально впитывает каждый мускул, каждую жилку, и каждую привычку вернейшего своего друга-коня.

А его восхищение и любовь к дончаку не допускали никакой критики.

Однажды, при разговоре с Сергеем Григорьевичем о достоинствах донской породы, собеседник имел неосторожность упомянуть, что, благодаря скрещиванию с англосаксонской и арабской, удалось достигнуть значительного усовершенствования.

Позже этот собеседник с полу-удивлением – полу-восхищением вспоминал: *«С привычной ему резкостью и откровенностью, не считаясь ни с моим самолюбием, ни с всесторонне признанным знанием коннозаводческого дела, он возмущенно, безапелляционно заявил: «Чепуха, вздор! Посторонней смесью донского коня улучшить невозможно. Посторонней кровью дончака только можно испортить, так как он из себя представляет нечто законченное, на редкость красивое и совершенное!»*

Спорить с Сергеем Григорьевичем было безнадежно. Не только переубедить, но даже уговорить его выслушать иную точку зрения. Нет – и всё! Бывали случаи, когда в гостях, сидя за столом, если чей-нибудь рассказ или высказывание Королькову были не по вкусу, он вставал и уходил в другую комнату.

Возможно, той же принципиальной и непоколебимой стойкостью отличались родственные ему староверы никоновских времен, казаки-некрасовцы и многие другие казаки, во имя своих непоколебимых убеждений стойко и добровольно принимавшие мучительную смерть или, в некоторых случаях, не менее мучительное изгнание...

Своих любимых коней он изображал в напряжённом, ничем не ограниченном движении, с развевающейся на ветру гривой, с раздутыми дымящимися ноздрями и напряжёнными до отказа мускулами всего, лоснящегося от пота, тела.

Знатоки искусства, знакомые с его трудами, нередко отмечали: *«В руках Сергея Королькова инертный кусок материи, мгновенно, даже до окончания им работы, превращается в одухотворённое, восхищающее зрителя и всегда в движении живое существо»...*

Детство и привольная степная жизнь для Сергея закончились в 1911 году, когда тяжело заболел отец. Приговор врачей был сурово-безжалостным: рак... Конный завод пришлось продать и переехать в Новочеркасск. Григорий Яковлевич умер в предвоенный 1913 год. Все заботы по воспитанию детей легли на плечи Евдокии Степановны. Впрочем, семья не испытывала материальных трудностей, ибо денег, вырученных от продажи завода вполне хватало для безбедного существования.

Сергею было всего 9 лет, когда грянула I мировая. В сентябре 1915 он поступает в Новочеркасское реальное училище.

Брата Ивана призвали на службу. Много казачьих жизней унесла война, но Иван уцелел.

Времена наступали тяжёлые. А в 17-м году, вообще лютые.

В своей автобиографии скульптор запишет, что *«большая часть наших денег находилась в Московском банке и с момента октябрьского переворота погибла».*

Гражданская война бесповоротно уничтожает беззаботную жизнь юного казака. Всё привычное и дорогое, к чему неудержимо, с младенческих лет привязан юноша, мгновенно исчезает.

Начиналось непостижимое умом безжалостное гонение и уничтожение казачества...

На окончание среднего образования надежды больше нет. В послереволюционные годы повсеместной разрухи главная задача – самому как-нибудь выжить, а также и обеспечить стареющую мать.

После Гражданской войны Корольковы перекочевывают в глушь устья Дона на хутор Шмат к своей тётке Марии Степановне Зарайченковой. Сергей работает у неё на полях.

Так и жили, летом батрача у тётки, а зиму коротая в холодном и неуютном Новочеркасске, то и дело переходившем от красных к белым и наоборот. Кстати, ни сам Корольков, ни люди, знавшие его, не упоминают об его участии в Гражданской войне ни на стороне белых, ни на стороне красных. Вероятней всего, по малолетству его игнорировали обе армии.

А весной 21-го Сергей заболел брюшным тифом, чудом выкарабкался. Вскоре прихватил ещё один тиф – сыпной. И только через год окончательно оправился после болезни...

...Весна 1922 года выдалась на редкость тяжёлой. В Поволжье разразился голод, несладко жилось и на Дону, но здесь выручала рыба. Благодаря крепкому телосложению, пятнадцатилетнему Сергею удаётся устроиться в рыбацкую артель.

«Работал как проклятый, но про карандаш и бумагу не забывал», - вспоминал один из артельщиков.

Корольков был просто переполнен художественными образами людей и природы! В свободное от артели время он зарисовывает отдельные эпизоды повседневной жизни рыбаков. Когда нет листка бумаги, лепит из глины.

А однажды вылепил на берегу Дона колоритную фигуру рыбака в полный рост. И вот тут-то Королькову и помог Его величество случай...

По обыкновению летом 1926 года на этюды в район Елизаветинской станицы выехала группа ростовских художников. Им-то и попался на глаза стоявший на берегу Дона корольковский рыбак.

- *Чей же это такой красавец?* - поинтересовались художники у местных казаков. - *Кто сваял этого рыбака?*

- *Да Серёга Корольков это учудил!* - охотно поведали местные. - *Он, почитай, всех нас перерисовал в свою тетрадку. Дюжа талантлив, чертяка!..*

- *А где же проживает этот талант?* - осведомились художники.

- *Да рядом здесь, на хуторе Шмат...*

Вот так и состоялась встреча Королькова с художниками. Совсем не стесняясь маститых собратьев, показал он им свои карандашные рисунки. Тематика – участие донских казаков в войнах России прошлых веков. Рисунки изумили профессионалов.

Участь Сергея была решена.

Юным талантом заинтересовался известный художник и педагог Андрей Семёнович Чинёнов – дипломант Всемирной Парижской выставки. Заслугой Чинёнова является учреждение I в Приазовье художественной школы – очень популярной в те годы. Королькова приняли сразу на III курс. Одновременно он устроился художником в молодёжную газету «*Большевистская смена*».

Хорошо знавшие Королькова живописец П. Келлер и график А. Глуховцев в своих воспоминаниях довольно колоритно описали его внешность: в школу он пришёл в огромном тулупе, в забродских сапогах, подпоясанный кушаком из куска сетки.

Физически крепкий, характера резкого. Отличался большой силой воли и огромной работоспособностью.

1927 год стал для Королькова значимым: усилиями именитых коллег ему удалось открыть выставку своих рисунков, которая имела довольно большой успех среди специалистов и любителей живописи. Его работы батальной тематики выставлялись в Краевом Музее Северного Кавказа.

В 1929 году Сергей успешно заканчивает учёбу в Чинёновской школе и поступает на столичные курсы при «Ассоциации художников революции». А также устаивается работать в Центральный дом армии. Но хватило его только на год. Вернулся на Дон и был принят в Ростовский музей революции.

Затем – снова Москва, и снова – Ростов.

Корольков мог рисовать целый день, не уставая, а в кармане у него часто торчал кусок деревянной ножки от разломанного стола или дивана, из которого он вырезал какую-нибудь фигурку.

Он хотел поступить в Академию художеств. Природный талант дончанина был высоко оценен, но в приёме ему отказали, ссылаясь на его уже полностью сложившийся стиль. Проходить курс изучения, подражая существующим художественным школам и течениям, при наличии властного и непреклонного характера поступающего, преподаватели нашли нецелесообразным. По словам супруги Королькова Елизаветы Ивановны (с которой он познакомился в Академии) при отказе один из профессоров объяснял:

«...У вас, Сергей Григорьевич свой сложившийся стиль. Учить вас нам нечему.»

Боюсь, что пребывание ваше в Академии принесет один вред. То, что вы желаете выразить, вам будет легче исполнить без изучения иных, часто противоречивых художественных течений».

И тогда он шлифует свой талант в мастерской признанного классика батальной живописи Митрофана Борисовича Грекова.

Итогом стала диорама *«Взятие Ростова Красной армией»*.

В 30-х годах перед выпуском романа *«Тихий Дон»* Михаил Шолохов, в разговоре с Горьким, пожаловался, что, несмотря на всесоюзные розыски, удовлетворительного иллюстратора к роману он найти так и не смог. Горький ответил, что всесоюзные розыски безнадежны, так как тема романа тесно связана с – на редкость(!) – колоритным казачьим бытом, могущим быть справедливо воспроизведённым в иллюстрациях только исключительно чутким и талантливym местным жителем-казаком.

- Откуда же мне взять одарённого художника-казака, - вздохнул Михаил Александрович. - Кажись, Дон художниками не так уж богат!

- Ничего, нашелся автор для романа, найдется и достойный иллюстратор, - ответил Алексей Максимович и посоветовал Шолохову связаться с Корольковым.

Исполненные Корольковым рисунки полностью удовлетворили Шолохова. Кроме общего художественного впечатления от иллюстраций, его поразило невероятное, исчерпывающее знание художником донского коня, казачьих ужимок и тому подобное. Но! Считая себя непревзойденным знатоком казачьего быта, писатель не успокоился, пока, после долго-

го изучения всех иллюстраций, не нашёл одной маленькой неточности в сбруе коня.

Корольков устранил недоделку.

Близкими друзьями они не стали, уж слишком независимы были их характеры, но своё уважение к творчеству Королькова Шолохов сумел высказать в самой благородной форме. На хранившемся в ростовском Музее краеведения экземпляре первого выпуска романа «Тихий Дон» Шолоховым написаны следующие слова: *«Тем охотнее распишусь на этой книге, т. к. она снабжена поистине уникальными в своей правдивости и знании донского быта иллюстрациями Королькова. М. Шолохов 12.1. 1969 г.»*

Рассказывает Быкадоров: *«По-видимому «корифей всех наук», в том числе и художественных, оказался иного мнения. Склад жизни казаков, уничтожение которых в те годы ещё продолжалось, воспеванию и идеализированию не должен был подвергаться, и иллюстрации Королькова при следующем издании исчезли и были заменены рисунками, имеющими мало общего с донским казачеством.*

Итак, в течение полувека многочисленные издания на многих языках мира, даже после присвоения Шолохову Нобелевской премии, рисунками Королькова не иллюстрировались...»

По словам ростовского искусствоведа В. Рязанова, *«снимавший по шолоховскому роману фильм кинорежиссер С. А. Герасимов именно в иллюстрациях Сергея Королькова нашёл богатый материал о жизни, быте и Войсковом укладе донского казачества».*

Иллюстрировал донской художник и другие произведения. Вышел «Железный поток» Александра Се-

рафимовича, началась подготовка эскизов к роману «*Как закалялась сталь*» Николая Островского.

Как – уже всесоюзно признанному мастеру-скульптору – Королькову была поручена престижная работа по созданию барельефов для советского павильона на Всемирной выставке во Флашинг Мэдоу под Нью-Йорком, что и было им прекрасно выполнено. Хотя на монтаж Сергея Григорьевича не пустили.

Но он не сильно расстроился, потому что работы было невпроворот: в планах – большой горельеф, посвящённый 300-летию «*Азовского сидения донских казаков*». А ещё он принял предложение Московского фарфорового завода вылепить цикл скульптур на тему «Тихого Дона».

В марте 1933 года Корольков приступает к исполнению сложнейшего скульптурного заказа: горельефы на тему Гражданской войны на фасаде Ростовского драматического театра имени Максима Горького. За сооружением театра – этого гиганта советской культуры следила вся страна, работать здесь было почётно, и Корольков с энтузиазмом включился в творчество.

Одновременно, внутри театра, подобный заказ выполняет Александра Михайловна Дрейлинг. Несмотря на основательную разницу в возрасте, между ними зарождается обоюдное уважение, и скульпторы полезными советами, не стесняясь и критики, помогают друг другу в выполнении намеченной работы.

Но гладко никогда ничего не бывает: голодный 1933 года стал роковым в жизни художника: он оказался в застенках ОГПУ...

Для заработка на жизнь Королькову, не переносящему никакой фальши, притворства и подхалимства,

приходилось выполнять заказы выставочных скульптур, провозглашавших достижение социализма: стахановцев-шахтеров и стахановок-доярок. Когда же было предложено лепить бюст отца народов, он упорно отказывался, оправдываясь тем, что до выполнения подобных шедевров ещё не дорос. Последовали допросы. Спасла Королькова найденная при обыске переписка с Шолоховым и другими неприкосновенными особами коммунистической иерархии в области культуры. Королькова выпустили, но постоянная слежка беспрестанно напоминала, что его личность для властей, в лучшем случае, подозрительна.

Необыкновенная сила характера и убеждений этого человека проявилась во время допросов. В архивах Ростовского КГБ сохранился документ – собственноручно написанная Корольковым автобиография. Кроме личных данных, в ней имеются и следующая критика власти: *«Чистосердечно признаюсь перед органами ОГПУ, что советскую власть я рассматривал как неприемлемую для народа, и в первую очередь для себя власть...»*

Особенно возмущала меня политика правительства по коллективизации. На мой взгляд, крестьянин должен иметь индивидуальное хозяйство, ибо он по психологии своей всегда является собственником. Только совокупность подобных сельских индивидуальных хозяйств могла обеспечить благосостояние страны... мои политические симпатии были на стороне казачества, которое пострадало во время саботажа»...

После таких убийственно-откровенных признаний ничего хорошего ждать, уже, естественно, не приходилось... И шансов на спасение не было. Однако он

не только вышел из тюрьмы, но и успешно продолжил скульптурные работы в драмтеатре!

Что же выручило художника?

Ответа на этот вопрос история не сохранила. Не исключено, к примеру, заступничество Шолохова и Щуко. А может быть, среди тюремного начальства нашёлся почитатель его таланта. Да и на дворе был пока 33-й год, а не 37-й. А может быть, просто было необходимо закончить горельефы.

Но при всей своей прямолинейности, жёсткости и суровости Сергей Григорьевич был человеком с большим чувством юмора. Известный донской архитектор и краевед Андрей Петрович Зимин, вспоминая 30-е годы, пору своего знакомства с Корольковым, говорил: *«Тогда мы были молоды, счастливы, очарованы «Мушкетёрами» Дюма... Мы собирались в городском саду в прелестном уголке, неподалёку от фонтана у нынешнего кинотеатра «Россия» и любовались природой, журчанием воды, шелестом листьев. В центре этого фонтана стояла русалка. Она целилась трезубцем в какое-то, якобы скрытое под водой, чудовище.*

- Нет, не в это настоящая женщина должна целиться, - сказал однажды Корольков.

И вот в один прекрасный день, подойдя к фонтану, мы не поверили своим глазам: «чудовище» вдруг «материализовалось», причём весьма своеобразно. Из воды возвышался глиняный фаллос. Две ночи Сергей в болотных сапогах устанавливал это мудрёное сооружение. А ещё через четыре дня кто-то догадался, что это надо убрать».

У того же Зимина есть уникальные иллюстрации Королькова к эротической поэме Баркова про Луку Мудищева.

Вспоминал Андрей Петрович и момент, когда «на сенокосе Сергей настойчиво обхаживал одну казачку:

- *Нюсь, Нюська, придёшь сегодня ночью на сеновал?*

- *Отстань!*

- *Ну придёшь?*

- *Отстань, я тебе говорю!*

Ночь проходит и, как говорится, не пришла родимая. А наутро эта Нюська идёт вместе со всеми на работу и видит себя – обнажённую, глиняную, в полный рост. В ярости женщина отрывает от скульптуры «собственную руку» и обрушивает её на голову автора.

- *Ну, теперь-то придёшь? - как ни в чём не бывало улыбнулся Сергей...»*

В эту пору Корольков работал и над композицией главного фасада строившейся гостиницы «Ростов».

Гостиницу возвели всего за два года на месте бывшей богадельни, благоустроили и большой парксвер.

В Ростове-на-Дону есть несколько больших зданий, построенных в модном в предвоенные годы стиле конструктивизма.

Корольков не разделял взглядов сторонников модернистских течений, они же пеняли ему на то, что он рисует и ваяет с фотографической точностью.

Но, в отличие от многих своих критиков, он умел великолепно соединять разные стили. Потому и получилась такая гостиница. Размах многометровых

окон-витрин. Мягкие закругления углов и балконов. А стройность и гармоничность линий дополняются классическими горельефами.

Горельефы театра и гостиницы... Эти выдающиеся произведения Королькова – собственно, единственное что осталось из его скульптурного творчества на Родине. Они и ныне украшают наш город.

Горельефы театра...

Художник блестяще справился с заданием, выполнив композиции по теме Гражданской войны: *«Железный поток»* и *«Гибель Вандеи»*.

В них с огромной художественной силой и мастерством показаны нечеловеческое напряжение сплетённых в яростной смертельной схватке тел, некогда мирно живших на этой благодатной донской земле... *«Смешались в кучу кони, люди...»*

И нет здесь зрелища победного шествия, а есть трагизм, ужас, бессмысленность и безысходность гражданской бойни, в которой нет и быть не может победителей, а есть только побеждённые...

А вообще, о ростовском театре драмы надо рассказать особо.

ТЕАТР

Сведения об уникальном здании ростовского театра можно встретить в любом архитектурном справочнике. Знают о нём во всём мире.

К примеру, в Лондонском мемориальном музее в разделе *«Русское зодчество»* представлены всего два экспоната – макеты Собора Василия Блаженного (г. Москва) и здания театра имени Максима Горького (г. Ростов-на-Дону).

«Годы идут... В столетии театра наши спектакли и мы всего лишь только частицы...», - так говорил много лет назад, мечтая о будущем столетнем юбилее артист В. Шатуновский.

*И вновь у театрального подъезда
Стремительный людской круговорот:
По-прежнему здесь радостно и тесно,
Как в давний-давний, незабываемый год.
И как тогда, как в довоенный вечер.
Темнеет зал и занавес идёт,
В предчувствии какой нежданной встречи
В оркестре скрипка первая поёт?
Не отблеск памяти, не отголосок песни,
Не тень давно промчавшегося дня, –
Живой и нестареющий ровесник
Опять со сцены смотрит на меня.
Высокий, тоненький, стремительный, певучий, –
Ему смычком скрипичным быть как раз! –
Стихи о юности и о театре лучшем
Взволнованно читает Гриша Кац.
Нет, память от меня не утаила
Тех первых дней восторженный накал!
Здесь нам искусство открывал Таиров,
Здесь Всеволод Вишневский клокотал.
Здесь Юрий Александрович Завадский
Пленительный, чудесно молодой.
На пару лет уступлен был по-братски,
Нам, ростовчанам, щедрою Москвой.
В Марецкую влюблялись целым залом.
Мордвиновым мы бредили во сне,
Здесь Леондора выдумка блистала, –
Мы с ним дружили, что ни год – тесней!
Спасибо всем – народным и заслуженным.*

*Спасибо всем – бессмертным и живым,
Давно замеченным, ещё не обнаруженным,
И пожилым, и самым молодым.*

*Спасибо всем – артистам и строителям,
Прославленным талантом и трудом
Повинным в этом чуде удивительном,
Которое театром мы зовём.*

*Темнеет зал. Идёт бесшумно занавес,
Смычки сейчас разбудят тишину.*

*И мы с тобой войдём, товарищ, заново
В страстей и образов огромную страну.*

Эти замечательные стихи появились в 1963 году. Написал их ростовский поэт Вениамин Кац. По случаю.

В 1963 году гордый блестящий красавец – театр имени Максима Горького гостеприимно распахнул свои двери. Он отмечал своё второе рождение.

А что было до этой даты?

2 октября 1935 года труппа ростовских актёров перешла в новое, только что законченное строителями здание.

Это было грандиозное архитектурное творение, в сооружении которого участвовали тысячи разработчиков, строителей, оформителей и отделочников. Одно из самых больших театральных зданий страны. Почти в полтора раза больше Большого театра Союза СССР.

Но прежде чем говорить о самом большом театре страны, давайте ненадолго вернёмся на два с половиной века назад.

...Первый театр на Дону появился в Таганроге.

А в Ростове «для путешествующих артистов разного рода» на территории нынешнего парка культуры и отдыха им. М. Горького (бывший Городской сад) в сентябре 1840 года купец А. В. Садомцев построил одноярусный деревянный сарай.

В садомцевском «театре» было немногим больше двухсот мест. Декорации, костюмы, мебель, реквизит – всё привозилось из таганрогского театра, который добился преимущественного права на аренду этого помещения для своих гастролей. Железной дороги между городами тогда ещё не существовало, и театральные пожитки отправлялись на воловьих фурах, а труппа перевозилась либо на тройках, либо на появившемся в 1841 году на Дону первом пароходе.

Ростовская публика тех времён, как сообщает журнал *«Репертуар и пантеон»*, состояла из *«иностранных негоциантов, греческих купцов, казаков; бюрократия же здесь весьма незначительна, а офицеры квартирующие в городе резервных батальонов Кавказского корпуса за отдалённостью своих квартир не могут часто приезжать на спектакли»*.

По зрителю строился и *«набор представлений»*.

«Ростовская публика любит более всего юмористические пиески... В эти представления они хохочут до упаду, до слёз, а партер с галереей приходят в такой энтузиазм, что крику и аплодисментам их не бывает конца. Впрочем, между посетителями театра есть и истинные ценители – дилетанты сценического искусства из образованных офицеров и купцов, кои могут судить о театре и пиесах с основательным знанием сущности дела и предмета».

Наследники купца Садомцева мало заботились о состоянии театра-балагана, и он пришёл в полную негодность.

Власти разрешили сценическое действие с условием: «с подсолнечной стороны снаружи дать зданию десять упор, а изнутри стянуть его стены подтоварниками, которые обить шинным железом». Но это не спасло.

Позднее в центре города (на месте нынешней Думы) купец К. М. Гайрабетов возвёл первое настоящее театральное здание. Правда, было оно маленьким и тесным. Зрительный зал освещался «подъёмной круглой люстрой», состоявшей из тридцати шести керосиновых ламп. Люстра поднималась к потолку толстым канатом, конец которого находился за кулисами. «Очень часто, когда лампы начинали коптеть, среди акта опускали люстру, производя канатом душераздирающий в то время на сцене визг». Затем актёр – исполнитель какой-нибудь роли, находившийся в то время на сцене – «извинялся и прикручивал фитиль, и люстру снова подтягивали кверху».

С открытием гайрабетовского театра в Ростове появилась первая сезонная труппа, которую организовал антрепренёр из актёров А. Надлер. Первый её спектакль состоялся 23 июня 1863 года.

Четыре дня спустя в Ростове остановился – проездом в Крым на лечение – великий русский актёр, основоположник реалистической театральной школы Михаил Семёнович Щепкин.

По просьбе артистов надлеровского театра Щепкин согласился сыграть лучшие свои роли – городничего в «Ревизоре» и Фамусова в «Горе от ума».

Но... купеческий город не оценил мастерства столичной знаменитости. С участием Щепкина состоялся только спектакль «Ревизор». А никогда до этого не

шедшее в Ростове *«Горе от ума»* было отменено... из-за отсутствия сборов!

«Первый раз в жизни пришлось получить пощёчину – и где же? В Ростове-на-Дону!» - жаловался Михаил Семёнович.

Исследователи творчества знаменитого артиста считают, что *«Ревизор»*, сыгранный в Ростове, был последним спектаклем в жизни Щепкина. Спустя месяц в Крыму он скончается.

Вот. Возможно, встретить ростовская публика Михаила Семёновича теплее, прожил бы он дольше...

Чести – нашему городу-папе – подобное отношение к искусству, конечно, не делает.

(Но – разрешите отвлечься. Опять-таки, к чести города уже сегодняшнего дня – заявление *«Прорыва года»* нижегородского дуэта *«УМА2RMAN»* о том, что два самых лучших города в России – это Санкт-Петербург и Ростов-на-Дону. *«Города красивые и принимали нас там хорошо»*. Интервью с братьями Кристовскими опубликовано в журнале *«ТВ-ПАРК»*. Сорок седьмой номер этого года).

Год спустя после Надлера появился другой антрепренёр – Григорий Вальяно. В то время уже начал проникать на провинциальную сцену Александр Островский, но в торговом Ростове долго не решались ставить его *«купеческие»* пьесы. И только Вальяно осмелился показать донской публике *«Василису Мелентьеву»* и *«Лес»*.

В октябре 1883 года состоялось открытие первого каменного театрального здания в Ростове. Оно было построено купцом В. И. Асмоловым на Таганрогском (Будённовском) проспекте в районе нынешнего Дома офицеров. Это был очень красивый дом.

После октября 17-го асмоловский театр национализировали и присвоили имя наркома просвещения А. В. Луначарского.

Согласно переписи населения в Ростове и Нахичевани в то время проживало более 308 тысяч человек.

И такой большой краевой центр не имел приличествующего театра! Пока что спектакли шли в театре им. К. Маркса, так называемом *«бывшем машонкинском»*. (В конце 1906 года в городе появилось ещё одно капитальное здание на средства купчихи П. Д. Машонкиной. Круглый зрительный зал этого храма искусства можно было в трёхдневный срок превратить в цирк, что публике нравилось гораздо больше. Сейчас, кстати, на этом месте и возвышается нынешний ростовский цирк.)

В 1925 году власти решили построить новое здание театра, *«соответствующее запросам трудящихся индустриального советского Ростова»*. Стремление ростовчан поддержали в столице.

И вот так, с революционным максимализмом, и решили построить в Ростове не просто театр, а самый большой театр! И не только в СССР, а и во всём мире. Самый оригинальный, самый масштабный и, конечно же, самый красивый!!!

Объявили в стране конкурс, в котором участвовало 25 проектов.

Появились даже призывы *«Перенести культурную столицу в Ростов!»*

К разработке привлекли В. И. Немировича-Данченко, В. Э. Мейерхольда, А. Я. Таирова и других светил сценического искусства Страны Советов. Победил, однако, вариант внеконкурсный, но зато самый оригинальный. Его авторы – два Владимира –

архитекторы академик Щуко и профессор Гельфрейх.

Никогда и никому на нашей планете не приходило раньше в голову соединить храм искусств с образом *«автомшины для буксировки прицежных повозок или для тяги сельскохозяйственных орудий»*, то есть трактора!

Но ларчик открывался просто... В 1929 году Совет труда и обороны принял постановление об организации машинно-тракторных станций – МТС. И вся страна жила этим событием. Ничего удивительного – коллективизация! Символом перемен, происходящих в стране, и стал театр-трактор. По задумке Щуко и Гельфрейха здание театра должно было *«бороздить просторы театральной нивы»*.

(Кстати, в великолепной киноновелле *«Напарник»* из *«Операции «Ы»...»* Верзила высмеивает именно это положение: *«Давай, бухти мне, как космические корабли бороздят Большой театр...»*)

Стройку объявили всесоюзной. В город стали съезжаться рабочие со всей страны. Были приглашены известные специалисты по работе с мрамором, мастера по шлифовке камня...

Главный инженер строительства Н. И. Каныгин рассказывал: *«Мне приходилось работать на многих постройках. Самой крупной из них был двухкорпусный санаторий в Крыму, примерно в девятьсот квадратных метров. Но если сравнить этот санаторий с ростовским театром, то это сравнение будет подобно сравнению донского ледокольного катера «Фанагория» с краснознаменным ледоколом «Красин».*

Особой гордостью считался тот факт, что на строительстве не израсходовали ни копейки на закупку импорта. Директор *«Театростроя»* тов. М. Стамблер

открыл карьеры в Крыму и на Украине, где ломали мрамор, шлифовали стекло, лили медь и изготавливали шпингалеты и ручки к дверям. Даже мягкая мебель с сиденьями из красной кожи изготавливалась в мастерских театра».

К работе были привлечены и медики: лор, окулисты, невропатологи, дабы «точно установить, какое освещение, какие цвета, какие формы дают наибольшие возможности советскому зрителю сосредоточить всю силу своего зрения и слуха на происходящем на сцене».

Не нашли только специалистов-акустиков – ведь лучшие из них были представителями опальной в то время церкви. А акустика – дело тонкое. Можно сказать, ювелирное. Но в конце 30-х к этому вопросу относились, мягко говоря, иронично, поэтому проблемы акустики не сочли значительными. (Что вообще-то – со времён седой античности в любом театре – самое главное!)

И место специальное для будущего театра не стали подыскивать, а просто выполнили распоряжение областного комитета партии. И построили его на границе между городами Ростовом и Нахичеванью. Тогда быстрыми темпами рос первенец I пятилетки – завод «Ростсельмаш», и необходимо было не только соединить два города, но и переместить центральную часть разрастающегося областного центра. В связи с чем и было издано обкомовское постановление.

Строили его 10 лет. В 1934 году умер Максим Горький. И новому театру, как и половине других театров, парков и улиц страны, присвоили имя основоположника социалистического реализма.

Итак, изображал он собой трактор.

Много споров и в те годы было – правда, в те годы – очень тихих; и сейчас – довольно громких: а надо ли воспроизводить храм искусства, имитирующий довольно грубую железяку?

Но как бы то ни было, театр получился очень красивый.

Двухъярусный зрительный зал вмещал 2250 зрителей. Театр обслуживала подстанция, мощность которой равнялась электростанции, освещавшей весь до-революционный Ростов. Сцена была механизирована по последнему слову театральной техники того времени.

Главного инженера и директора стройки наградили легковыми автомобилями, а последнего, М. Стамблера, назначили директором театра. Только вот какое отношение имеет – профессиональный строитель – к профессиональному искусству драматургии – не совсем понятно...

День открытия – 29 ноября 1935 года – стал народным праздником. На Театральной площади собрались тысячи рабочих, служащих, учащихся с подарками театру. Многие предприятия города в память об этом событии изготовили сувениры, Ростовское книжное издательство выпустило памятную книгу.

Первый день был посвящён чествованию строителей, которые соорудили данный раритет.

На площади пылали костры, играли оркестры, колонны демонстрантов заканчивали шествие песнями и плясками. Приветственные телеграммы прислали Алексей Толстой, Илья Эренбург, Ольга Книппер-

Чехова, Семён Будённый. Прозвучало напутственное слово Константина Сергеевича Станиславского...

После торжественного собрания состоялся концерт. Выступал сам Вахтанг Чабукиани!

А на следующий день – уже первый спектакль. Шла пьеса Д. Фурманова «Мятеж». Вот так творческий коллектив открыл новую страницу в своей биографии. Зрители были в восторге.

Вспоминает актриса Павла Вульф: *«Увидев театр, я остолбенела от изумления: это чудо, настоящее чудо! Ещё так недавно, кажется, когда я уезжала из Ростова, здесь были пустырь, глушь и вдруг... чудесный парк, в центре которого грандиозное здание... как в сказке...»*

Первое время, как утверждают очевидцы, в театр ходили не на спектакли или громкие актёрские имена, а *«посмотреть здание, насладиться делом рук своих, ощутить мощь страны, в которой жили»*.

Однако выстроить театр таким, каким он задумывался, не удалось. Если честно сказать, зданию театра не повезло изначально. И местонахождением – его построили на пустыре-свалке. И далее – при его строительстве несколько раз срывалась несущая конструкция. На завершающем же этапе произошла ссора партийных кураторов стройки с автором горельефов, украшающих здание. И Сергей Корольков в один из моментов жесточайшего спора схватил лопату и... срубил одного из персонажей композиции.

А сам театр злые языки тут же окрестили *«Великий немой»*: в зрительном зале звук жил по своим, только ему ведомым законам! Актёрам приходилось очень сильно повышать голос.

Но сей факт в то время поначалу не сильно смущал. Ведь тогда всем в основном приходилось разго-

варивать лозунгами и призывами. Весь стиль жизни, драматургия Страны Советов подразумевали именно такой образ мыслей! Никто тогда не обратил внимания на запись в книге отзывов, которую сделал режиссёр из Москвы Юрий Завадский, побывавший со своим коллективом на гастролях в Ростове: *«Прекрасный театр. Но не завидую труппе, которая будет в нём играть»*.

По иронии судьбы ровно через год после этого откровения режиссёр вместе с частью своей труппы был переведён на работу в Ростов-на-Дону. По одной версии – за неугодные творческие изыски, а по другой – *«должен был показать пример в освоении огромной сцены»*.

Сегодня и это неважно. Главное, что столица подарила на четыре предвоенных сезона столичных артистов – В. П. Марецкую, Р. Я. Плятта, Н. Д. Мордвинова.

...13 июля 1936 года Юрий Александрович Завадский отпраздновал день рождения, а на следующий день вместе с труппой выехал в Ростов-на-Дону.

До этого его театру-студии приходилось очень туго: подвал на Сретенке и театром-то не назовёшь... А ещё бесконечные *«нельзя»* от театрального начальства... И вдруг это полу-приглашение – полу-приказ.

«...Итак, с самой маленькой площадки в Москве – на самую большую сцену в Союзе», - думал режиссёр, бродя по гигантскому зданию ростовского театра.

...Красиво, ничего не скажешь, очень красиво. Академик Щуко проектировал.

Но красота красотой, а как тревожно!

В фойе – высоченные колонны красного мрамора с позолоченными капителями, в зале беломраморные колонны обрамляют портал, в партере бесконечные ряды кресел, обтянутых красным бархатом. Всё так парадно, торжественно!

2250 зрителей!!! Наберётся ли их столько?

И эта отвратительная акустика: артиста слышно, только если говорит, находясь точно в самом центре сцены. С весёлой усмешкой вспоминал Завадский о своей собственной прошлогодней записи... А играть-то теперь придётся самому!

А эта роскошная поворачивающаяся 22-метровая сцена, как выяснилось, оснащена примитивными механизмами; декорации придётся поднимать вручную. Опять либо что-то проморгали, либо украли...

И все свои инсценировки ему, главному режиссёру, придётся подстраивать под эти недоделки. И так, чтобы и худсовет, и зритель восприняли как должное.

Как восприняли худсоветы, мы не знаем, а ростовский зритель рукоплескал стоя!

По сей день театралы называют этот период *«золотым веком»* ростовской драмы.

Ростов полюбил свой театр особой любовью, зрители ждали каждой новой постановки Завадского с особым нетерпением. В них ярко раскрывались творческие возможности и тех, кто с ним приехал, и тех, кто работал в ростовской драме ранее.

Вера Марецкая сыграла главные роли в блистательных спектаклях – *«Любовь Яровая»*, *«Укрощение строптивой»* и *«Горе от ума»*, и именно из Ростова ездила она на съёмки прославленного кинофильма *«Член правительства»*.

Николай Мордвинов сыграл заглавные роли в пьесах «Отелло» и «Тигран» и выезжал на съёмки в «Богдане Хмельницком».

А Ростислав Плятт так вспоминал ростовский период: *«В спектакле «Дни нашей жизни» Л. Андреева я сыграл роль резко отрицательную. Некого Эдуарда фон Ранкена, страшного человека со сложным характером. Но как ни странно, я этого мерзавца любил нежно, как своего ребёнка. Объясняется это тем, что именно тогда впервые почувствовал, как глубоко я влез в «шкуру» роли... и у меня состоялся первый в моей творческой жизни роман с ролью».*

Но для того, чтобы написать столь сокровенное признание, понадобился не один десяток лет. А тогда, в 1938 году, первым покидая Ростов, Ростислав Плятт съязвил:

*«Я другой такой не знаю сцены,
Где так плохо слышен человек...»*

Четыре года режиссёр и актёры старались и боролись за освоение самой большой сцены в стране. Завадский с коллегами победил пространство, объём, но только не звук. Москвичи «кричать» не хотели да и могли.

...А потом наступит 37-й год...

«Как вы, режиссёр, а значит, психолог, не догадались, что приглашавшие вас люди были врагами?»

Завадский понял, что больше не выдержит, и стал очень настойчиво проситься в Москву.

Но только в 1940-м ему позволят вернуться и назначат главным режиссёром Театра имени Моссовета.

Оставшиеся артисты, костяк труппы, которые перешли из драматического театра им. Луначарского, продолжали трудиться и искать новые, более современные формы освоения сцены-гиганта.

Правда, это длилось недолго: через полтора года после отъезда Завадского началась война.

...И было время, когда даже линия фронта пролегла через театр. Ею служил пожарный занавес. В феврале 1943 года фашистская зондеркоманда взорвала красавец театр. И он 20 лет простоял зияющей раной в центре Ростова. очевидцы вспоминали, что, как изумительно пела Эдита Пьеха, один из концертных роялей, в солидарность с его ленинградским близнецом, действительно *«висел над лестничным пролётом»*...

Просто чудом сохранились корольковские горельефы!

Несколько лет спустя после окончания войны из ГДР пришла посылка. В ней оказалась большая картина, изображающая горящее здание театра им. Горького

«Коллектив Эльбе-Эльстертеатра из города Лютерштадт-Виттенберг, - говорится в сопроводительном письме, - передаёт эту картину в знак дружбы народа Германской Демократической республики с великим Советским Союзом. Фашисты подожгли ваш великолепный театр в 1943 году. Эта картина была написана непосредственным свидетелем пожара Эриком Фивегеро, работающим в настоящее время декоратором Эльбе-Эльстертеатра. Он воспроизвёл гибель вашего дворца по памяти. Картина – результат тяжёлого личного переживания художника в годы ужасной войны».

Только в 1963-м театр, наконец, подняли из руин. Снова помогала вся страна.

После этого его стали называть *«дважды рождённый»*. Но восстановить в прежних размерах из-за нарушенного войной баланса подземных вод – не выходило. Свою незабываемую архитектуру он сохранил, но уменьшилась внутренняя планировка. С тыльной стороны примкнул открытый летний Зелёный театр. Вдвое сократилось число посадочных мест.

Символично, что во второй раз двери величественного здания драматического театра имени Максима Горького вновь распахнулись именно в тот день, когда Ростов торжественно отмечал двадцатилетие освобождения от немецко-фашистских захватчиков.

«Чудесный Дворец! Его беломраморный главный фасад, обращённый к Дону, занимает площадь более 750 кв. км. Просторный вестибюль украшают красные колонны. С большим вкусом оформлено главное фойе. Зрительный зал кажется совсем небольшим, хотя вмещает 1200 зрителей. Площадь сцены превышает 500 кв. м, её высота равна восьмиэтажному зданию. Диаметр поворотного круга – 13 м. И всё оснащено чудо-техникой!

Несколько этажей отведены под репетиционные и учебные залы, салоны отдыха и творческие кабинеты актёров. А гримуборным ростовского театра как-то позавидовала «Метрополитен-Опера»...», – так писал об открытии московский журналист.

В новом здании разместились киноконцертный зал, библиотека, эстрада; в фойе достаточно места для проведения вернисажей.

Тепло откликнулся на возрождение ростовского Дворца искусств Завадский: *«Моё сердце принадле-*

жит Ростову. Здесь, на сцене драматического театра, мы не раз переживали подлинную творческую радость, истинное вдохновение. И я от души рад, что восстановлено это великолепное здание, этот храм культуры.

Представляю, каким величественным оно стало!»

Своего режиссёра поддержали и артисты.

Вера Марецкая: «Всё, происходившее в Ростове всегда близко моему сердцу. Ростов – это моя театральная молодость, мои любимые роли: «Трактирщица». «Укрощение строптивой», «Любовь Яровая» и другие. Воспоминания о горячем приёме зрителей-ростовчан, друзей и знакомых. И, наконец, в Ростове я родила дочку... Словом, праздник моих товарищей актёров и всех любящих театр я ощущаю как свой праздник.

Желаю вам хороших пьес и прекрасных ролей».

Николай Мордвинов: «То дорого человеку, чему он больше отдаёт души», – утверждает народная мудрость. В наши дни слова эти наполняются особенно другим смыслом. Так мне дороги воспоминания о бурных годах творчества, которыми мы жили в театре имени Горького.

От всего сердца желаю коллективу художников сцены больших побед, достойных прекрасных стен ожившего для новой жизни театра».

...Сейчас наш театр носит звание «Академического», здание является памятником федерального значения.

В день, когда исполнилось 30 лет со дня восстановления – 16 марта 1993 года состоялось его освящение.

А сегодня – к 70-летнему юбилею – в здании идёт процесс реставрации.

Чтобы не осталось звуковых «ям», нанесён штукатурный слой специального материала, изготовленного в Германии. Зрительный зал для удобства немного приподнят, восстановлено вентиляционное устройство, приобретена современная звуковая аппаратура.

Сейчас в самом разгаре процесс обновления сценического комплекса. *«Сцена, - это сердце театра, основное рабочее место актёров, - говорит директор театра Валерий Андреевич Иванов, - ...думаю, что ни в каком другом театре России нет коллективного договора между администрацией и коллективом театра лучше, чем у нас... Моя работа как руководителя направлена на сохранение и возрождение коллектива в лучших его театральных традициях».*

А на сцене театра Горького блистала не только труппа Завадского.

Разве можно не вспомнить наших теперешних современниках – Михаил Бушнов, Наталья Кржечковская, Игорь Богодух, семья Шкрабак... А разве плохо играли у нас братья Ливановы – Аристарх и Игорь? А блестящий талант режиссёра Юрия Ерёмина?..

Но давайте поговорим о них в следующий раз.

А сейчас вернёмся снова к Сергею Григорьевичу Королькову.

ЗАПАД

...Начало войны с фашистами круто изменило жизнь и судьбу Королькова. В армию его не призвали. Владимир Быкадоров объясняет это так: «Тот факт, что, несмотря на крепкое телосложение и здоровье, власть не призывала на отбывание военной службы, явно свидетельствует, что его она считала политически недостойным доверия. Корольков же, в свою очередь, себя гражданином СССР не считал, от вступления в партию, в профсоюзы и даже от голосований, он категорически отказывался».

При эвакуации Ростова уходящие на восток поезда заполнялись членами коммунистической иерархии и их имуществом. Рядовому населению был отдан приказ: отступать, но – как и при каких условиях – предвидено властью не было, поэтому далеко не все желающие избежать всех ужасов жизни в оккупации смогли эвакуироваться. В их число попали и Корольковы.

Оставшись в Ростове с престарелой матерью и молодой женой Елизаветой, Корольков стал свидетелем этой трагической эвакуации города, собственно, брошенного властями на произвол судьбы.

Он пошёл на службу «новому порядку».

Что заставило Сергея Королькова предложить немцам сотрудничество, мы уже никогда не узнаем. Понять его поступок всем тем, кто боролся с оккупантами или просто пытался выжить в нечеловеческих условиях, невозможно.

А уж перед теми, кто навеки остался лежать в братских могилах, вина Королькова неизмерима...

Но что-то его вынудило, и он пошёл на службу «новому порядку».

Он так мастерски выполнил бюст Гитлера, что немцы, признав талант этого «неарийца», растиражировали изображение на почтовых марках вермахта.

И хотя, ни в каких политических и военных акциях против своего народа он не участвовал, подобные «услуги», естественно, не прощаются.

И донской скульптор с мировой известностью вынужден Дон покинуть.

После Сталинградской битвы десятки тысяч уцелевших при кровавых сталинских расправах казачьих семей, лишь бы не подвергать себя новым гонениям, предпочли избрать терновый путь изгнания – уйти с немецкими частями на Запад.

Супруга Елизавета Ивановна согласилась.

Но от себя куда убежишь?

Мать Евдокия Степановна наотрез отказалась.

Она лишь велела невестке поклясться на образах, что ни при каких условиях не покинет та её неприспособленного к житейским трудностям сына...

Сам Корольков своё пособничество новой власти объяснял тем, что ему нужно было кормить больную мать. Но как же в таком случае он её бросил, чётко осознавая, что матери придётся ответить за всё?

Продвижение на Запад, часто пешком, длилось несколько месяцев. Многие, особенно старики и дети, своими трупами усеяли мученический путь изгнанников. На телегах, запряженных волами, конями, а иногда и верблюдами, покидали родной край обездоленные «враги народа». Городские жители, за неимением тяговой силы, тянули свои пожитки на сво-

их спинах. Где-то в этом людском море, по колению в грязи, продвигалась на запад и чета Корольковых.

После войны странами-победительницами были созданы репатриационные лагеря, где по национальному признаку собирались все те несчастные, кто был угнан в Германию. В одном из таких лагерей, в австрийском городе Парш, удалось приютиться и Корольковым. Забот прибавилось: родился маленький Сашенька.

Вспоминает Михаил Миллер: *«Все эти лагеря были совершенно свободны. Их жители могли входить и уходить когда угодно. Многие работали в городе, а желающие переехать в другое место имели право выехать из лагеря, даже не известив администрацию».*

Но по всем лагерям *«бесконечно шныряли так называемые «репатриационные офицеры», стремящиеся выловить и отправить на родину всех тех несчастных людей, которые скрывались под подделанными документами белых эмигрантов.*

На Королькова советские органы вели особую травлю, стремясь всякими способами вернуть его в СССР, но вскоре разразившаяся «холодная война» не дала советским властям возможности довести свою акцию до конца.

Несмотря на опасность быть выданным на расправу Советам, несмотря на трепку нервов очередными посещениями и допросами, жители лагеря всеми мерами стремились создать подобие мирной, целеустремленной социальной жизни».

И в этих же лагерях чуть ли не с первого дня закипала общественная деятельность. В первую очередь лагеря организовывали церковь, а за ней – начальную школу, гимназию, детскую воспитательную ор-

ганизацию, театр, образовательные курсы. Недостатка в добровольном бесплатном персонале не было. Нередко бывало, что в наскоро созданном среднем учебном заведении преподавателями были бывшие профессора российских университетов. На всём географическом протяжении покоренной Германии и Австрии возникло множество микроскопических русских центров – маленьких *«родин»*, где воспитывалось не искалеченное марксистским учением будущее поколение русских детей».

В Парше Сергеем Григорьевичем был основан кружок изучения живописи. В нём собралось около десятка молодых художников. Между ними выделялись Бобринский, Попов и Черкашенинов. С большим уважением и любовью относился к своему учителю его бывший ученик Григорий Попов. С не меньшим почтением к Королькову относились и остальные представители русской лагерной интеллигенции.

Литературовед Миллер говорил, что по всей вероятности, его любовь к родному Дону была причиной многолетней дружбы с Корольковым. Как-то ещё в лагере Парша скульптор сунул ему рукопись. Кратко, без ложной скромности – по-корольковски – сказал: *«Прочтите! Что написано хорошо – сам знаю, но хотелось бы, чтобы и вам это было известно»*.

Этот рассказ касался повседневной, казалось бы, ничем не привлекающей внимания тяжёлой артельной жизни рыбаков в гирлах Дона. Удивлённого читателя поразила изумительная память Королькова, потрясающая привязанность ко всему родному и дорогому, всестороннее понимание психологии рыбака. Но больше всего произвел впечатление на Миллера, родившегося вблизи описываемых мест, неподдель-

ный, невыразимо образный, рыбацкий язык казаков низовья Дона.

В конце 1948 года, благодаря заручительству родственника Николая Евдокимовича Королькова, эмигрировавшего ещё в 20-м году, семья художника переезжает в Нью-Йорк. Квартира – в северной части города в том же доме, где этажом выше живёт дирижер Донского хора Сергей Жаров.

Устроиться по профессии, не зная местного языка, всегда трудно, а тем, которым не привелось приобрести ремесло – почти невозможно. Чета Корольковых поступает на фабрику, изготавливающую разных сортов материю. Меняющаяся мода и вкус покупателей заставляет предприятие без конца менять узоры ткани. Этой – унижительной для художника такого уровня – работой Корольковым пришлось в зарубежье зарабатывать на существование.

По словам Сергея Григорьевича, подобный труд для него – моральная мука, и единственной отдушиной являются еженедельные встречи в его квартире с русскими знакомыми – представителями мира искусств. На этих встречах часто присутствуют и представители американской интеллигенции. По-видимому, благодаря этим новым знакомствам, Королькову удастся заручиться несколькими заказами. В это время в еженедельных выпусках журнала «*Life*» появляется серия зарисовок к рассказу о вымышленном Сибирском восстании концлагерей против коммунистической власти. Подобно иллюстрациям "Тихого Дона", рисунки в этом журнале потрясают своим неподдельным реализмом. На изнеможенных лицах арестантов выражены все те чувства, которые движут массами во время стихийного бунта. А в противовес иллюстрациям "Тихого Дона", где почти ис-

ключительно воспроизведены типы донских казаков, на этот раз в цветных иллюстрациях Королькова можно встретить представителей всех многочисленных народов нашей родины.

Рисунок *«Побег женщины-заклѳченной из лагеря»*. Выбившаяся из сил простоволосая женщина, за которой по зимнему лесу гонятся вооружѳнные до зубов откормленные охранники с собаками.

Рисунок *«Равноправие женщины»*. Русские женщины, поднимающие рельсы. Рядом – скот охранник с гаденькой улыбочкой.

Вспоминает Быкадоров: *«В квартире Корольковых на стене висели его работы: портреты Атамана Платова и Ермака. На полке камина – бюст Жарова. Вся гостиная была заставлена вылепленными из пластилина фигурами на тему американской ковбойской героики. Я никак не мог оторвать глаз от скачущего индейца, при помощи копья стремящегося убить разъяренного зубра. Не менее потрясающее впечатление производил поединок между краснокожим с нападающим на него ковбоем. Поражала кропотливая деталь, но она ни в коем случае не отвлекала зрителя от главной заслуги мастера – необъяснимого умения из инертного материала создать динамическое чувство действия и движения.»*

Но для выливания бронзовых статуй исключительных скульптур Королькова были нужны финансовые средства, которых ни у самого Королькова, ни у его знакомых не было. Вследствие нестерпимой летней жары фигуры постепенно теряли свою основную форму...»

В эти годы он создаѳт памятник-крест, установленный позже на казачьем участке Свято-

Владимирского кладбища на ферме Рова в штате Нью-Джерси. Надпись на русском и английском языках гласила: *«Казачи – казакам»*.

А об одном полотне художника расскажем немножко подробнее.

Трагедия города Лиенца. Этот эпизод в истории казачества как класса замалчивался, собственно, 50 лет.

«Мать, молодая женщина, привязывает к себе маленького ребёнка и вместе с ним бросается в воду...»

Этому ребёнку, кажется, посмертно уготована память вечная: в летописи самой страшной войны, располозовавшей человечество в один из самых страшных веков его истории, в эпизоде этой войны, отмеченном признаками предательства и подлости, – слёзы этого ребёнка выжжены навсегда.

Ни имени этого ребёнка, ни имени того казака, который привёл свою семью на этот мост через пограничную речку Драу, не известно. Впрочем, если бы конкретные имена дошли до нас, может, эта картина и не превратилась бы в неопровержимую легенду.

Остались только название: Лиенц и дата: 1 июня 1945 года. Австрийский городок, куда атаман Тимофей Доманов рванул со своим «Казачьим станом», уходя от итальянских партизан, и откуда весь этот стан вместе с самим атаманом предательски выдали английские оккупационные войска советским особистам – на гибель и поругание.

Поняв, что их ждёт, казаки с моста стали бросаться в воду.

Ведь до них – многие поверили, вернулись и – попали в объятия Смерша.

Сколько их погибло – из тех сорока тысяч? На берегах Драу сохранилось около 30 могил...

Гражданская война всегда, во все времена бесплодна. Деникин, Корнилов, Мамонтов ничем не лучше Ленина, Троцкого, Дзержинского и прочих. Те, кто убивает свой народ «во имя», равны и виновны, независимо от идеологии.

Казачи, чьи семьи подвергались репрессиям ВЧК – ГПУ – НКВД, в 1942 году решили уйти с немцами. Не нам теперь решать, хорошо этот или плохо. Плохо, наверное.

А зачем было брать с собой жён и детей? Были уверены, что красные вырежут всех? Почему? Потому что поступали так сами?

Считается, что они мечтали восстановить Учредительное собрание и надеялись на помощь Гитлера. Это сейчас мы удивляемся: как можно быть такими наивными? При общеизвестном отношении Гитлера к инородцам? Сгноили бы в лагерях, и всё. Но в шкуре этих казаков-эмигрантов мы не были, и что ими двигало, уже никогда не узнаем.

В нашей стране их упорно именуют предателями.

Но вот полный Георгиевский кавалер I мировой войны атаман Тимофей Доманов, в отличие от, например, Власова, предателем не был. Он никогда не присягал на верность Советской власти. Предал свой русский народ? Возможно. А он упорно считал предателями большевиков.

А британцы? По-человечески – домановских казаков они, конечно же, предали.

Но с политической точки зрения – никаких гарантий им Черчилль не давал, зато обещал Сталину всех интернированных гитлеровских вояк вернуть в страны принадлежности.

И лишняя головная боль доброй старой Англии совсем ни к чему.

1 июня началась выдача казаков. Английские солдаты стреляли в людей, протестовавших против насильственной выдачи их, граждан других стран; избивали казаков прикладами и дубинками, избитых бросали в грузовики. Особенно свирепствовали сионисты из входившей в состав британской армии Еврейской бригады, на рукавах которых имелись шестиконечные звёзды и надпись «Джуиш Бригад Групп».

Вот так и назвал Корольков свою картину «*Выдача казаков в Лиенце. Австрия. Июнь 1945г.*».

Это громадное полотно.

Долина альпийских гор. Казачий крёстный ход. Огромная толпа с хоругвями, иконами, плакатами. Их встречают танки. Кое-кто уже убит. А на первом плане изображён замахвающийся прикладом англичанин...

Ныне картина находится в Нью-Йорской казачьей станице, напоминая о гнусности англичан, предостерегая от безоглядной веры в добрые намерения Запада в отношении русских и русского возрождения...

Не менее потрясающая работа Королькова – памятник Ермаку. На скале, в царском панцире, опершись на саблю, сидит объятый думой покоритель Сибири – донской казак Ермак Тимофеевич. Складки накинутого на плечи плаща, как будто колышутся в порыве северного ветра. Ермак и в бронзе жив, он только объятый думой, он вот-вот встанет и протянутой рукой укажет рати своей направление к новым схваткам, подвигам и славе...

Завистники снова говорили, что его работы – по сути своей – фотографии. Нужно отдавать дань современному творчеству.

«Изображение действительности должно быть точным.

Разница моих рисунков с фотографиями в том, что персонажи фотографий застыли на месте, а на моих рисунках и в моих скульптурах они всегда движутся», - говорил Корольков.

А на так называемое *«современное творчество»* Корольков всегда смотрел отрицательно.

Известность Сергея Григорьевича в США постепенно росла. Особенно она стала заметной после создания им на тихоокеанском побережье барельефа с изображением Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна, Франклина Рузвельта и других президентов.

Наконец, он возглавил *«Ассоциацию американских скульпторов»*.

Его труды пользовались огромным успехом, хотя богатым – по американским меркам – он так никогда и не стал.

В послевоенные годы США охотно впускала к себе молодых людей, обладающих ручным ремеслом. Остальные категории обездоленных беженцев – представителей интеллигенции, стариков и детей могли получить визу *«только при финансовом поручительстве проживавших в Америке материально обеспеченных родственников или знакомых, обязующихся, в случае надобности содержать выписываемых ими эмигрантов»*.

Несмотря на скромность личных средств, Корольковы, всякими правдами и неправдами выписывают многочисленных соотечественников. Квартира их

превращается в убежище, где не имеющие крова приезжие всегда могут найти крышу и пропитание. Всем нуждающимся было известно, что Корольковы поделятся последней копеей; возвращать же долг – не обязательно, так как никто из Корольковых упоминать о займе не будет.

Известность, приобретённая врагом народа казачком-эмигрантом в США, встревожила правительственные круги СССР. Была дана команда вернуть Королькова на родину. Первой такую попытку сделала Вера Мухина, но получила классический «отлуп» по деду Щукарю.

Непримиримость Королькова к Советской власти была безоговорочной. На вопрос, не желает ли он посетить выставку в Нью-Йорке, на которой экспонируется его же работа, он ответил, что с этой властью у него никакого сношения быть не может, а своим денежным взносом за входный билет субсидировать советские заграничные авантюры намерения нет.

Ему официально предложили вернуться. Вернулись же Куприн, Толстой, Конёнков... И теперь, возвратившись в свободную от капиталистов страну, он сможет дать полный ход ничем не ограниченной фантазии и творчеству!

Сергей Григорьевич печально отвечал: *«Советская власть всеми мерами борется против проявления у своих граждан любого рода творческой инициативы. Для проведения в жизнь своих политических замыслов ей нужны покорные холопы, способные лишь на беспрекословное исполнение партийных заказов. В подобной атмосфере полностью атрофируется не*

только умение, но даже и желание проявлять личную творческую инициативу».

А сам упорно трудился, заставлял своё собственное творческое воображение работать во всю.

В конце 59-го года в США приехал Хрущёв. С собой он захватил и Шолохова, которому было поручено уговорить Королькова возвратиться на Дон. Великий писатель вёз с собой письмо от Евгения Вучетича. Но Корольков не захотел встречаться с Шолоховым...

Он ответил только на послание друга своей юности ростовского художника А. М. Черныха.

Вот несколько строчек из этого ответа: «И ушёл я на Запад не затем, чтобы передумать и возвратиться обратно, ползать раком, вымаливать себе прощение у палачей и убийц многих и многих миллионов невинных людей... Я не из тех кого можно рассопливать враньём о развесёлой жизни, берёзками, сердцепщипательными песенками о родине и балаганом моисеевских танцулек... Я больше всего в мире ценю и ценю свободу... И я ничего не забыл и не простил!»

В СССР поняли, что Сергей Корольков на Родину не вернётся никогда.

Но, несмотря на оторванность от родного Дона, несмотря на многочисленные житейские трудности, работы Королькова последнего периода его жизни, может быть, ярче всего подчеркивают его редкое дарование.

В эти годы все сюжеты его творчества касаются быта любимого казачества. Как будто перед смертью художник желал в последний раз подчеркнуть свою ничем не ограниченную, никем и ничем не порушенную безграничную любовь к народу. К народу, к которому он когда-то принадлежал.

От себя куда убежишь?

Ещё в первые годы житья в Штатах, Сергей Григорьевич перенёс сердечный удар; по повелительному приказанию врачей он бросает курить, даже на Пасху не дотрагивается до традиционной рюмки водки!

В возрасте 62 лет скульптор Сергей Григорьевич Корольков скончался от инфаркта. Похоронен он на казачьем участке Свято-Владимирского кладбища. Там же, где стоит его Поминальный Крест.

На камне надпись:

*Скульптор Сергей Корольков, казак
ст. Константиновской Всевеликого Войска Донского
14. X. 1905 – 19. III 1967 г.г.
Помилуй раба Твоего*

Так окончил свои дни гениальный донской казак, во имя убеждений принеся высшую личную жертву – добровольное, мучительное изгнание.

Ныне имя Сергея Григорьевича Королькова завоевывает своё место в Донской истории. О нём в Ростове создан документальный фильм, опубликованы неповторимые иллюстрации к «Тихому Дону».

А лучшим памятником этому гению навсегда останется Ростовский Академический театр имени Максима Горького.

СОДЕРЖАНИЕ:

Россия.....	3
Театр.....	18
Запад.....	35

БИБЛИОГРАФИЯ:

Аннинский. Л. Слеза ребёнка. // Родина, – 2005. – № 12. – С. 92.

Астапенко М. Сергей Корольков. Возвращение на Родину. // Дон, – 2002. – № 10. – С. 197.

Бушнова узнали все. // Новая городская газета, – 2004. – 18. – 24 февраля. – С. 16.

Быкадоров В. Калифорния, США
http://nativregion.narod.ru/simple_15.html

Век театральной культуры. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1963.

Гегузин И. Добрый след. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1987.

Гегузин И. Страницы Ростовской летописи. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1983.

Голота И. Донской иллюстратор Баркова. // Наше время. – 1993. – 8 октября.

Донской историко-этнографический фонд казака А. П. Зимина. Автобиография С. Г. Королькова, 1933.

Иваненко С. Гостиница в духе конструктивизма. // Ростов официальный. – 2004. – 10 июня.

Корольков С. Я ничего не простил. // Литературная Россия. – 1993. – 9 апреля. – С. 14.

Миллер М. С. Г. Корольков. Чикаго: «MICHIGUN», 1983.

Перминова Н. Театр особой судьбы. // Наше время. – 2005. – 25 ноября. С. 4.

Рябов. Г. Примирение и согласие. // Родина. – 2005. – № 12. – С. 92.

Рязанов В. Скульптор. // Культура. 1991. – 21 сентября. – С. 12.

Рязанов В. Сергей Корольков: легенда и судьба. // Молот. – 1989. – 25 ноября. – С. 3.

Хазизов В. С. Дело № 673. // Донской временник. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2005.

Усова О. Пора перемен. // Культура Дона – 2005. – № 10. – С. 7.

УМА2RMAN. // ТВ-парк. – 2005. – № 47. – С. 12.

Книга «Художник и театр» рассказывает о жизни и творчестве знаменитого скульптора Сергея Королькова – уроженца Ростовской области и об истории создания Академического театра им. Максима Горького.